
История моей семьи в XX веке

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ
СТУДЕНТОВ-КУЛЬТУРОЛОГОВ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ВЫПУСК 1

Коллектив авторов
История моей семьи в XX веке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9529263

ISBN 978-5-4474-0759-9

Аннотация

Научно-исследовательские материалы были подготовлены студентами-культурологами РГСУ в рамках изучения дисциплины «Прикладная культурология» (преподаватель доцент кафедры философии и социологии культуры РГСУ Т. В. Пушкарева). Материалы представляют собой тексты транскриптов глубинных интервью, их описание и анализ. Рецензенты: Шемякина Е. М., доцент кафедры культурологии МПГУ; Асеева Н. А., доцент кафедры социологии и гуманитарных дисциплин Российской академии предпринимательства.

Содержание

Введение	5
Андрей Шипигин.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

**История моей семьи в XX веке
Материалы научно-исследовательской
работы студентов-культурологов
Российского государственного
социального университета. Выпуск 1**

Татьяна Пушкарева

Андрей Шипигин

Мария Нам

Анастасия Ежова

Михаил Гваришвили

Всеволод Стихарев

Анна Блиднецова

Анна Богданова

Ирина Панасова

© Татьяна Пушкарева, 2015

© Андрей Шипигин, 2015

© Мария Нам, 2015

© Анастасия Ежова, 2015

© Михаил Гваришвили, 2015

© Всеволод Стихарев, 2015

© Анна Блиднецова, 2015

© Анна Богданова, 2015

© Ирина Панасова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Введение

Данные научно-исследовательские материалы были подготовлены студентами-культурологами третьего курса в первом семестре учебного 2013/14 года в рамках изучения дисциплины «Прикладная культурология». Проведение и анализ глубинных интервью по теме «История моей семьи в XX веке» стало заключительной, практической, частью изучения методов прикладной культурологии. Прикладная культурология, как и сама культурология, дисциплина молодая, синтетическая, становящаяся, именно по этой причине и методы ее преимущественно заимствованные, «импортированные» из других наук и междисциплинарных научных направлений. Наибольшее значение в рамках изучения дисциплины «Прикладная культурология» приобретает освоение методов качественной социологии, устной истории и *memory studies*.

«*Memory studies*» – междисциплинарное направление современной гуманитаристики, возникшее на стыке целого ряда гуманитарных наук – общей и социальной психологии, социальной философии, истории, политологии, семиотики, исторической психологии, исторической социологии, социологии времени – направлено на изучение исторической, культурной, социальной, групповой памяти в современных обществах и обществах прошлого. С 1980-ых годов это направление приобретает характер своеобразной интеллектуальной моды, что позволяет говорить даже о «мемори буме». Понятия «историческая память» и «культурная память» прочно вошли в понятийный аппарат общественных и гуманитарных наук Европы, Америки и России, и, несмотря на нарастающий скепсис относительно возможности корректного использования этих понятий, речь все чаще идет уже о мемориальной (или «меморальной») парадигме гуманитарного знания. Проблематика исследований социальной, исторической, культурной памяти тесно связана с проблемой соотношения индивидуального и общественного сознания, макро– и микроистории. Она охватывает такие проблемы, как соотношение истории и памяти, политическое использование знаний о прошлом; репрезентация прошлого в музеях, памятниках, коммеморациях; репрезентация ближайшего прошлого в масс-медиа, новые национальные субъекты и идентичности; коллективная память и ретроспективная интерпретация социального прошлого; апелляция к прошлому и способы ее выражения в искусстве и литературе и многие другими проблемами.

Исследование истории своей семьи при помощи анализа глубинных интервью представляет собой только один вариант реализации методов прикладной культурологии для исследования культурно-исторической реальности и памяти о ней. Однако, на наш взгляд, именно такая исследовательская практика отвечает целям и задачам изучения прикладной культурологии как учебной дисциплины. С одной стороны, погружение в историю своей семьи создает дополнительную мотивацию исследовательской работы и способствует лучшему освоению изучаемых исследовательских техник, с другой стороны, применение научных методов в исследовании семейных воспоминаний позволяет создать определенную эмоциональную дистанцию и получить, обобщить информацию об истории своей семьи, осмыслить семейный опыт, извлечь личные уроки из семейного прошлого, найти примеры и образцы для подражания. Научно– и социально-значимый результат исследовательской работы студентов, представленный в данной публикации, позволяет считать проведенный опыт успешным.

Т. В. Пушкарёва,

доцент кафедры философии и социологии культуры РГСУ, кандидат философских наук

Андрей Шипигин. От семейной истории к истории страны: возможности качественных социологических методов исследования

Задачи культуролога и социолога, использующего качественные методы исследования при анализе социокультурной реальности, очень близки и зачастую просто совпадают. Исследовать жизненный мир человека в ту или иную культурно-историческую эпоху, увидеть большую историю в малой, семейной, и наоборот, малую – в большой, – эти задачи с успехом решают такие методы, как биографический метод, метод семейной истории, метод глубинного интервью. Учебная апробация этих методов при исследовании истории собственной семьи в контексте истории XX века позволяет в реальной исследовательской деятельности раскрыть возможности этих методов, получить обширный эмпирический материал и провести первый опыт его обобщения.

Глубинное интервью в рамках данной учебно-научной задачи проводилось 21.02.2014 с матерью исследователя, Шипигиной Викторией Валерьевной 09.05.1972 г. р., в неформальной обстановке в московской квартире «с глазу на глаз». Длительность: 78 минут. До того момента, как интервьюер начал задавать вопросы, респондент чувствовал себя ответственным за интервью, так как был предупреждён, для чего оно проводится, и таким образом старался помочь исследователю. После вопросов интервьюера респондент «разговорился» и беседа стала более непринуждённой.

Во время интервью перед респондентом находилось семейное генеалогическое древо, так как была велика вероятность забыть членов немаленькой семьи, корни которой в достаточной степени сохранились в памяти респондента, несмотря на многочисленность родственников и разнообразие их судеб.

Транскрипт интервью

Р.: «Больше я знаю про историю своей семьи со стороны моего отца, Юрьева Валерия Фридриховича. Его корни прослеживаются, начиная с середины девятнадцатого века. Его прабабушка и прадедушка были родом из Гусь-Хрустального, это сейчас Московская область недалеко от города Владимира. Затем переехали, уже поженившись, в нынешний город Орехово-Зуево и собственно там у них родилось девять детей, работали оба на фабрике Морозова, ткацкой. И старший их сын, Иван Павлович Куликов, вошёл в историю, как один из организаторов Морозовской стачки. Затем уже после революции он был первым начальником орехово-зуевской милиции, участвовал в гражданской войне, погиб в одном из боёв, и ему посвящена даже страничка, была такая в советские времена книжка – «Герои гражданской войны», там посвящена ему страница. Сёстры и братья Ивана Павловича практически все были верующими коммунистами, активно участвовали в построении социализма в нашей стране, (усмехнулась) пытались построить коммунизм. Все работали на ткацкой фабрике. Собственно бабушка Валерия Фридриховича, моего отца, и моя прабабушка, Мария Павловна Куликова, всю жизнь проработала также на Орехово-Зуевской ткацкой фабрике, там же вышла замуж за ткача, Василия Петровича Андрианова. Ну, собственно вся жизнь прошла у них в Орехово-Зуево, никуда они оттуда не уезжали. Василий Петрович тоже был достаточно активным коммунистом, входил в ЦК коммунистической партии города Орехово-Зуево. У них было трое детей. Старшая дочь – Антонина Васильевна Андрианова, родившаяся в 1922 году, после школы уехала в Москву, поступила в университет и когда

началась война добровольцем ушла в армию, но не служила на фронте, работала в Москве, служила в Москве, была ну что-то вроде отдела милиции при КГБ, не знаю, как это правильно называлось. Дослужилась до звания старшего лейтенанта, потом уволилась. Работала в разных местах, в институте, потом уже в старости работала просто на почте. Была бездетная, её жених ушёл на фронт и в сорок первом году погиб, больше она не смогла никого полюбить. Соответственно двое младших детей, родившихся двойняшками, Виктор Васильевич и Нина Васильевна, оба были также ткачами, после войны работали ткачами на фабрике. Нина Васильевна, моя бабушка (эмоционально выдохнула) встала к станку в шестнадцать лет, когда началась война. Она двадцать шестого года рождения, когда в сорок первом году началась война, практически все дети встали к станку, кто мог, и она в том числе, и, начиная с шестнадцати лет, она так и всю жизнь проработала на фабрике, имела трудовой стаж более сорока лет. Её муж, мой дедушка, Фридрих Сергеевич Юрьев ушёл добровольцем на фронт в семнадцать лет. Пришёл на призывной пункт, приписал себе один год и ушёл добровольцем на фронт. Прослужил всю войну, дошёл до Кёнигсберга, собственно в Кёнигсберге и закончил свою службу, в силу того, что там у него случилась третья контузия, после которой он был комиссован и вернулся домой. Также после войны работал на фабрике, ткацкой. У них, соответственно, было двое детей, собственно есть и сейчас. Нина Васильевна ещё жива, продолжает радовать нас своей мудростью. Двое детей: Юрьев Валерий Фридрихович, мой отец, и Юрьева Галина Фридриховна, тётя. Пятидесятого, пятьдесят второго годов рождения. Валерий Фридрихович также поначалу после школы работал сначала немного на фабрике, потом на заводе токарем, а в девятнадцать лет поступил в Москве в строительный институт, МИСИ, на вечернее отделение и устроился работать в проектный институт «Курортпроект», в котором работает до сих пор, больше 40 лет. В этом институте он познакомился, на работе имеется в виду, с моей матерью, Высоцкой, на тот момент, Ольгой Петровной. Ну, соответственно, поженились, в семьдесят втором году родилась я, ну и тоже получив несколько образований, в конце концов, стала инженером-строителем. Эта ветвь семьи практически никуда не перемещалась. Как изначально жили в Гусь-Хрустальном, Орехово-Зуево, в общем, достаточно близко расположенные места. Как теперь говорят «с этой стороны у нас сплошной пролетариат», по большей части участвовавший во всех событиях, которые происходили в нашей стране, и достаточно активно участвовавший. То есть Валерий Фридрихович в своё время был членом комитета комсомола проектного института, в котором работал, а Ольга Петровна была там не только руководителем-секретарём комитета комсомола этого института, но и впоследствии была профоргом института. Ну, в общем, тоже так довольно активно участвовала, была даже где-то в районе там двадцати двух-двадцати трёх лет награждена поездкой в Болгарию от комитета комсомола.

Со стороны Ольги Петровны не так далеко прослеживается история семьи, на одно поколение меньше. Её предки, Высоцкие, изначально, по семейному приданию – польский шляхтич обедневший, пришедший в поисках лучшей доли в Санкт-Петербург, поселившийся потом в одной из деревень под Нижним-Новгородом, оттуда пошла уже династия. В этой династии были и священники и купцы, в частности, мой непосредственный предок, прадед Высоцкий Иван Фёдорович был достаточно состоятельным человеком, по профессии он был камнетёс-молотобоец. В том числе было у него достаточно зажиточное хозяйство в родной деревне, и (затяжное) последние где-то, наверное, десять лет перед Великой Октябрьской Социалистической Революцией у него было несколько доходных домов в Нижнем-Новгороде. Семья, поскольку деревенская, особо никуда не кочевали, то есть дети самое далёкое, что уезжали это учиться в Санкт-Петербург, впоследствии Ленинград. У Ивана Фёдоровича было одиннадцать детей. Из них двое сыновей умерли в достаточно раннем возрасте: один утонул в пятнадцатилетнем возрасте, второй умер от чахотки незадолго до войны, остальные девять, из них четыре дочери, все принимали участие в ВОВ.

Собственно, мой дед, Высоцкий Пётр Иванович, перед войной как раз успел закончить лётное училище и в марте сорокового года он женился на Гарасихиной Прасковье Игнатьевне, в марте сорок первого года у них родился старший сын, Высоцкий Владимир Петрович, и в апреле сорок первого года дед был послан служить в Белоруссию на границу, на передграничный аэродром, где, собственно, их и застала война. Одна из его сестёр, старшая, успела к тому моменту окончить медицинский институт и всю войну прошла в должности полевого хирурга. Закончила войну подполковником медицинской службы. Остальные тоже воевали, но в основном не на передовой. Соответственно, когда началась война, Пётр Иванович и Прасковья Игнатьевна, и их маленький сын Владимир были на передовой, аэродром был разбомблен в первый же день, очень много лётчиков погибло, но начальнику части удалось организовать вывод семей из окружения. Соответственно в течение месяца под охраной из нескольких солдат женщины и дети выходили сами из окружения, был достаточно мучительный период. Бабушка рассказывала, что в один из дней, когда они шли, закончился лес, и они шли по полю, как бы переходили в следующий лес, и в этот момент летело несколько самолётов фашистов. Они, видимо, «отбомбились» где-то впереди лежащих городах, и бабушка рассказывала, что она на всю жизнь запомнила, как она бежит по полю с маленьким сыном на руках, а над ней летит самолёт. И она видела глаза этого фашиста, ну то ли он пожалел, то ли действительно не осталось патронов, он ей улыбнулся, помахал рукой, помахал крыльями самолёта и улетел. Так она первый раз осталась со своим сыном жива. Когда они добрались до наших частей, вышли из окружения, там удалось сесть на эвакуационный эшелон, идущий вглубь страны. У бабушки мама жила в Ленинграде на тот момент, собственно бабушка стремилась туда к маме. Села в этот эшелон и через несколько дней на одной из станций (бабушке было на тот момент всего двадцать три года, она стеснялась кормить грудью младенца, сидя в теплушке) она спустилась на станции, когда эшелон стоял, под платформу, в этот момент налетели бомбардировщики фашистские. Вся станция была стёрта с лица земли. По её воспоминаниям, из всего эшелона выжало четыре с половиной человека, половинка был мой дядя Володя (слёзы на глазах). Так или иначе, до Ленинграда она добралась, воссоединилась там с мамой, затем началась блокада Ленинграда. Мама осталась, прабабушка моя, а бабушка с сыном была вывезена в эвакуацию в Казахстан, где её с некоторым трудом в начале сорок второго года нашёл дед, поскольку его часть практически полностью погибла, их переформировывали, и ему дали неделю отпуска. В результате этого отпуска в декабре сорок второго у них родился ещё один сын. Дед на тот момент уже опять был на фронте. Вот. В конце войны его перевели на дальний восток преподавать в лётном училище, бабушку он туда вызвал. Ну, собственно так они воссоединились, уже больше не расставались, потом после войны дед преподавал в лётном училище в Риге. Потом они переехали в Москву, здесь в Москве дед служил в генштабе, уже был полковником авиации, после того как он демобилизовался по выслуге лет, причём с достаточно большими почестями: с правом ношения парадной формы и кортика, он пошёл преподавать в академию хим. защиты, был такой факультет при бауманском училище, тогда ещё училище, а затем около десяти лет ездил по братским странам: Болгария, Германия и участвовал там в строительстве хим. заводов. В какой-то момент вышел на пенсию и собственно достаточно счастливо жили. Умерли оба в семьдесят семь лет. Успели даже повидать своего правнука, Андрея Сергеевича Шипигина.

Со стороны бабушки Прасковьи Игнатьевны, жены Петра Ивановича Высоцкого, практически все были деревенскими жителями. Её мама, Анна Дмитриевна Катюшкина, была из Рязанской области, папа, Игнат Иванович Гарасихин, был тоже из Рязанской области, из города Пронск. Мама работала на телефонном узле в Ленинграде, папа был рабочим на заводе. Так как мама с папой, Анна Дмитриевна и Игнат Иванович, достаточно в раннем возрасте Прасковьи Игнатьевны развелись, то вот про Игната Ивановича практиче-

ски ничего неизвестно, ну кроме того, что прожил он долго, то есть Прасковья Игнатьевна с отцом не общалась и сведения о нём практически не поступало.

Соответственно у Петра Ивановича и Прасковьи Игнатьевны было трое детей: старший – Владимир сорок первого года рождения, средний – Сергей сорок второго года рождения и младшая – Ольга Петровна, моя мама, сорок девятого года рождения. Ольга Петровна родилась уже в Москве. Также окончила строительный институт. В результате её свадьбы с Валерием Фридриховичем Юрьевым в семьдесят втором году на свет появилась я, Виктория Валерьевна Юрьева, теперь Шипигина. А в семьдесят шестом году моя младшая сестра, Марина Валерьевна Юрьева. Мы тоже никуда особо не путешествуем, как родились в Москве, так здесь всю жизнь и живём. Здесь работаем. В общем, особо не мигрируем.

Со стороны Андриюшиного отца, Сергея Николаевича Шипигина, мне не очень много известно. В частности знаю, что его дед, Андриюшин дед, Николай Фёдорович Шипигин, родом из города Ярославля, а бабушка, Людмила Семёновна Шипигина, родом из города Елец. У Николая Фёдоровича семь братьев и сестёр, всего их восемь человек в семье было, восемь детей. Они из города Ярославля, родители ещё переехали в Ульяновскую область, когда ещё, по-моему, даже не все дети родились, только старшие. Отец работал в автомеханической мастерской. Всю жизнь работал с машинами, очень любил машины, хорошо в них разбирался. Мать была домохозяйкой. Дети выросли, практически все получили высшее образование. Сыновья, трое из сыновей, переехали в Москву в разное время. Анатолий Фёдорович служил в КГБ, Алексей Фёдорович был военнослужащим, а как зовут четвёртого брата, честно говоря, не помню, он был, насколько я помню, простым инженером, просто окончил институт и работал инженером. Дочери все остались в Ульяновской области, ну и там соответственно «повыходили» замуж, работают все в разных местах, я их ни разу не видела, поэтому про них почти ничего не знаю.

Со стороны Людмилы Семёновны Шипигиной: у неё семья в Ельце достаточно известная. Её, как это сказать, двоюродный дедушка, брат её бабушки, был настоятелем Елецкого собора. Одна из сестёр бабушки была очень такой известной в городе и за его пределами старицей, даже обладала какими-то, как теперь говорят, паранормальными способностями, могла лечить людей, была в известной степени, как это назвать, ведуньей что ли. И это частично унаследовалось у них в роду, мама Людмилы Семёновны, Надежда Васильевна, умеет снимать сглаз, если кто в это верит. Умела. Теперь тоже пожилая женщина, теперь уже всё даётся с большим трудом. Надежда Васильевна тоже участвовала в ВОВ, в возрасте девятнадцати лет ушла на фронт медсестрой и, собственно, прошла всю войну, вытаскивая на себе солдатиков из боя. Людмила Семёновна и Николай Фёдорович оба работали в институте атомных реакторов в городе Димитровграде, это такой наукогородок под Ульяновском, Ульяновской области. Собственно институт атомных реакторов – это градообразующее предприятие. Николай Фёдорович последние годы жизни был там начальником отдела, Людмила Семёновна страшим инженером, потом ведущим инженером. Николай Фёдорович, к сожалению, скончался десять лет назад, Людмила Семёновна жива, здоровствует и до сих пор работает. На настоящий момент у Андрея Сергеевича Шипигина живы две прабабушки: одна со стороны мамы – Нина Васильевна Юрьева-Фомина, другая со стороны папы – Надежда Васильевна. Собственно к настоящему времени историю семьи получила троеточие.

И.: А про Фридриха ты что-нибудь знаешь?

Р.: Про Фридриха Сергеевича я знаю, что он после войны, ну собственно, после того как он получил контузию был комиссован из армии, вернулся в Орехово-Зуево, там соответственно женился на Нине Васильевне.

И.: А до войны?

Респондент: А до войны он учился в школе. Он же ушёл на фронт в семнадцать лет, сразу после школы.

И.: Ну а родителей я имею в виду. Тоже крестьянский пролетариат?

Р.: Родители там тоже пролетарии, тоже самое Орехово-Зуево, все работали на разных вариантах ткацких фабрик, в разных отделах, кто кем. У него была, сейчас уже тоже умерла, сестра Клара Сергеевна.

По поводу имён в семье есть несколько забавных таких историй: дети-то рождались в двадцатых годах, тогда были приняты всякие разные сложные имена, ну и собственно вот у Юрьевых было двое детей: Клара Сергеевна и Фридрих Сергеевич, Клара в честь Клары Цеткин, Фридрих в честь Фридриха Энгельса, а у его будущей жены, когда она собственно родилась, Нина Васильевна, со своим братом близнецом, Виктором Васильевичем, там же тоже вся семья была коммунистически настроенная и их сначала хотели назвать Сакко и Ванцетти. Но, слава Богу, называли по-простому Нина и Виктор, ну и потом уже когда дети подросли, в семье ходил анекдот, что чуть было не называли даже не именами, а фамилиями итальянских анархистов, которые оба были мужчины вообще-то.

И.: А там же ещё баба Аня была...

Респондент: Баба Аня...

И.: Чья она? С чьей стороны?

Р.: Баба Аня это мама Прасковьи Игнатьевны Гарасихиной, вот – Катюшкина Анна Дмитриевна. А?! Баба Маня ты имеешь в виду?

И.: Да, баба Маня, точно.

Респондент: Баба Маня это мама Нины Васильевны, да Мария Павловна Куликова-Андрианова.

И.: А побольше про вопрос верующих коммунистов волнует.

Р.: Ну, там как, все дети, в силу того, что старший брат у них был совсем такой... и Морозовские стачки, и милиционер первый Орехово-Зуево, дети все изначально росли нацеленные в этих коммунистических традициях, в борьбе за светлое будущее для всех на свете. И, несмотря на то, что они там по жизни не достигли каких-то больших высот, то есть ну в массе своей были инженерами, кто-то там остался на фабрике работать, ну в основном-то переехали в Москву и, здесь отучившись, в основном, были инженерами. Но, тем не менее, практически все на своих предприятиях были партийными лидерами, кто-то покрупнее, кто-то помельче. Когда они собирались все вместе, это было всё время мини партийный съезд ЦК КПСС: достаточно резкие по характеру (особенно сёстры) они часто перебирали друг другу косточки, кто принял правильное решение, кто неправильное. А из детства у них была такая байка: самая младшая сестра Елена ещё до революции, когда старшего брата Ивана пришли арестовывать урядники (ну как бы поскольку, в принципе, ждали, что рано или поздно придут), то брат оружие своё спрятал в печку, у него был пистолет и какие-то там листовки что ли... Ну, в общем, оружие и запрещенную литературу он спрятал в печку, за чугунок засунул подальше. И старшие-то дети понимали, что надо молчать и тихонечко просто дожидаться, когда злые дяди уйдут, а самая младшая двухлетняя Лена, сидя на печке, естественно этого не понимала, а она видела, то есть она ночью проснулась и видела, куда брат всё прячет и сдала старшего брата с потрохами!

И.: Так, а это сестра бабы Мани получается?

Респондент: Да, это самая младшая сестра бабы Мани. За что того и посадили чуденько.

И.: А это какой год был?

Р.: Это был, наверное, 1915 где-то так, 1914 или 1915-ый.

И.: Так, а стачку не он устраивал?

Р.: Он. Он один из организаторов Морозовской стачки.

И.: То есть он сначала после или перед отсидел?

Респондент: После. Мне кажется Морозовская стачка какого там... 1910 или 1912-ого года

И.: И когда вышел, стал милиционером? Нет, сначала ткачом, потом милиционером?

Р.: Ну, там... Да, там же была гражданская война. Пришла советская власть в 1917 году. Соответственно в 1918 году организовали милицию и он был назначен первым комиссаром милиции Орехово-Зуевской. То есть он фактически организовывал Орехово-Зуевскую милицию. В городе Орехово-Зуево есть музей Ивана Павловича Куликова. Он небольшой, но имеется такой. Вот И, соответственно, по-моему, в девятнадцатом году, вот это я точно не помню, в девятнадцатом или двадцатом году (*в источнике, связанном с историей Орехово-Зуево, смерть Куликова И. П. датируется 10-ым октября 1918 года*), когда шла гражданская война, он со своим взводом милиционеров участвовал в рейде против белогвардейцев и они попали в окружение, ну соответственно отстреливался до последнего, то есть люди ушли, он их прикрывал и так и погиб.

И.: Так. А вот про Высоцких, на тему Польши.

Респондент: Там я почти ничего не знаю потому, что дедушка так достаточно скупой рассказывал, всё-таки в основном его рассказы происходили, когда это ещё была советская власть. В 70-е, конец 70-х начало 80-х, и, в общем, тогда было не модно рассказывать о том, что у тебя в предках дворяне.

И.: Ну вот просто меня-то как раз вопрос ещё, ну лично меня интересует, слияния крестьянства с дворянством. Лично во мне, ну и в тебе.

Р.: Ну, у нас получилось достаточно забавно: вот Ольга Петровна, твоя бабушка, немало времени шутила на тему: была такая песня в советские времена «он сын трудового народа, она генеральская дочь». Вот в их жизни получилось именно так, Валерий Фридрихович – сын трудового народа, а она, конечно не генеральская, а полковничья, но, тем не менее, офицерская дочь, дворянская. Там слияние происходило достаточно просто, потому как, тот самый Высоцкий, который обедневший польский шляхтич он, по сути своей, кроме того, что у него дворянское происхождение, от крестьян, от зажиточных крестьян той деревни, в которую он пришёл жить, практически ничем не отличался. То есть, польские шляхтичи – это же самые бедные дворяне, у которых нет соевей земли, нет своих замков, у которых есть дом, какой-то надел, и, соответственно, старшие сыновья наследуют вот этот вот кусочек земли, который сами же и обрабатывают со своими жёнами, а младшие сыновья уходят в поисках лучшей доли. Ну вот, этот дошёл до России и основал новый русский род. То есть, как бы к нам с тобой это уже почти не относится, польской крови уже... она давно разбавлена всяким разным.

И.: А со стороны папы, с образованием там что было? То есть там кто-нибудь образование вообще получал до братьев Фёдоровичей?

Р.: Там их родители, которые Фёдор (вспоминает) Фёдор Иванович, Мария Ивановна, они, мне кажется, были без образования. А вот которые родители Надежды Васильевны, твоей прабабушки, там эти Елецкие священники, это же очень образованные люди, то есть это семинария, там с образованием было всё хорошо, ну по тем временам.

И.: Что за истории про сглаз?

Р.: Ну... бабушка Надя умела снимать сглаз и с тебя, в частности, тоже снимала, когда ты был маленький. Был у нас такой эпизод, когда мы с тобой туда приехали (как бы в это можно верить, можно не верить, тем ни менее), тебе было два года. Как все бабушки, Людмила Семёновна достаточно активно хвасталась маленьким внучком, и, видимо, тебя кто-то вольно или невольно сглазил, и был у нас такой тяжёлый период, когда ты в течение целого дня просто непрерывно плакал. То есть вот вроде у тебя ничего не болело, ты ни на что не жаловался, просто плакал и плакал, плакал и плакал. В конце концов, бабушка Надя

пришла, что-то над тобой руками поводила, поколдовала, сказала, что есть у неё ощущение, что тебя сглазили, провела там небольшой ритуал с участием спичек и святой воды, просто побрызгала тебя этой водой и плакать перестал. И всё наладилось. Можно верить, можно не верить. Вот. Кстати говоря, со стороны Ольги Петровны, мама Прасковьи Игнатьевны, Анна Дмитриевна Катюшкина, была достаточно известной знахаркой в городе Ленинграде. Тоже обладала какими-то способностями, но она была скорее такой, типа травницей что ли. То есть, она очень хорошо лечила все болезни травами, но при этом нашёптывала какие-то молитвы-обереги, ну, в общем, народ к ней тянулся. Особенно до войны. После войны уже практически перестали в это верить, ну и она потом была уже пожилая и всё-таки блокада на ней сказалась, жизнь в блокадном Ленинграде. А жили они, кстати говоря, в Ленинграде недалеко от Аничкова моста. Я как-то, когда мы с бабушкой Паней ездили в Ленинград, когда я ещё маленькая была, дошли до их дома, а вот пару лет назад я туда ездила, уже нету этого дома. Снесли.

И.: А баба Нина же потом, после Фридриха, ещё замуж выходила.

Р.: Баба Нина да. С Фридрихом они развелись дети ещё были довольно маленькие. Он из-за того, что (ну мы так думаем) всё-таки 3 контузии, наверное, сильные достаточно головные боли были, может просто на психике сказалось, он довольно много пил и Нина Васильевна с ним развелась. Он умер в 1972 году, в декабре 1972 года, меня он видел. То есть меня ему привозили показывать летом 1972 года новорожденную. Через огонь везли, дедушка любит рассказывать эту историю, дедушка Валера. Лето 1972 года было очень жарким, вокруг Москвы пожары были сильные и даже окна занавешивали мокрыми пелёнками, чтобы гарь не шла в квартиру. И они, когда ехали на электричке из Москвы в Орехово-Зуево, леса горели с двух сторон, то есть вот электричка шла сквозь огонь фактически. И Нина Васильевна, ну собственно также как и Фридрих Сергеевич жили в казарме, как, в общем, многие работники ткацких фабрик по тем временам и, собственно, меня в эту казарму-то привезли к Нине Васильевне, но в коридоре встретился Фридрих Сергеевич и Валерий Фридрихович похвастался новорожденной дочкой, так что я дедушку видела: я об этом не помню, я его не помню, но дедушку я видела. Вот. В 1972 году он умер, а в семьдесят, наверно, четвёртом году Нина Васильевна вышла второй раз замуж, тоже за ветерана ВОВ. Он был инвалид ВОВ, у него одной ноги не было наполовину, на второй ноге не было половину ступни, танкистом служил. И звали его Александр Павлович Фомин. Достаточно долго прожили вместе, он не работал, в силу своей инвалидности, хотя был очень большим умельцем.

И.: А почему она за него вышла?

Р.: Ну, Андрюш, наверное, потому, что одной женщине было тяжело, дети выросли, занялись своей жизнью.

Братья Ольги Петровны, соответственно Сергей Петрович и Владимир Петрович тоже прожили достаточно интересную жизнь. Владимир Петрович был очень умный. Ну, очень нестандартно мыслящий товарищ: он за десять лет, прошедших с момента окончания средней школы, умудрился поступить и чуть-чуть поучиться в семи институтах. Ему очень нравилось сдавать экзамены. Он поступал со всеми своими друзьями. В том числе учился в военно-медицинской академии, в морском училище в Ленинграде, но ничего не закончил. То есть он поступал, год учился, ну или полтора, потом уходил и поступал куда-нибудь ещё. В конце концов, женился, родил сына, дядю Рому, но с женой у них не сложилось, они развелись и он уехал в республику Якутию, где работал дальнобойщиком. Там женился ещё раз, родил ещё одного сына, дядю Петю. И трагически погиб. В одной из драк его пырнули ножом, ему неудачно зашили рану, началось воспаление, и он умер. В больнице. Вот.

Сергей Петрович пошёл по стопам отца, окончил лётное училище, служил на дальнем Востоке, где он собственно женился на Виктории Гавриловне, где у него родился сын, дядя

Эдик. Потом они, как все семьи военнослужащих, довольно долго путешествовали, переезжая с одной части в другую, в конце концов, наверное, последние пятнадцать лет служили в городе Иваново.

И.: Почему я чуваш, если мой дед из Ярославля?

Р.: Потому что (замаялась)...

И.: Та же Ульяновская область, она не Чувашия.

Р.: Она соседствует с Чувашией, но там, если я правильно помню историю этой ветки, дед был, ну отец твоего деда, твой прадед, он был из Ярославля, а мама в Ярославль приехала из Чувашии, которая вот Мария Ивановна. То есть она была чувашкой. И соответственно они, когда поженились там, через какое-то время вернулись сюда, к её родственникам... не знаю, не вернулись, переехали к её родственникам. В советские времена это было не то что принято, ребёнок мог выбирать национальность. Они решили выбрать национальность за своих детей, поэтому они по очереди: первый у них родился русским, второй родившийся ребёнок стал чувашом. Это они так решили, соответственно, у них из восьми детей четыре было русских, четыре чуваша. Твой дедушка, Николай Фёдорович, он оказался чувашом. Вот. А папа, соответственно, Сергей Николаевич, когда получал паспорт, у него тоже получилось, что папа – чуваш, мама – русская, по паспорту. Вот. У него спросили, какую национальность он хочет в паспорте. Папа сказал, что поскольку он по-чувашски не знает ни слова, и вообще как бы среди знакомых и родственников чувашей-то практически нет, то он будет русским. Поэтому в тебе есть толика чувашской крови, но тоже не намного больше, чем польской. Ну, собственно есть какая-то толика и татарской крови, поскольку у Прасковьи Игнатьевны рязанские корни, а там татаро-монголы, как известно, прошли огнём и мечом, и не только.

И.: У Прасковьи Игнатьевны с чьей стороны: Игната или Анны?

Р.: От Игната. Они собственно оба рязанские, но у Анны Дмитриевны всё-таки большая часть жизни прошла в Ленинграде, и родственников больше было в Ленинграде, а у Игната, у него практически вся родня и в советские времена жила в Пронске и его окрестностях. Мы в частности ездили, когда я и Марина были маленькие, нас Прасковья Игнатьевна часто достаточно возила в Рязань к своим рязанским родственникам погостить. У неё одна из двоюродных сестёр была председатель колхоза и знатная трактористка. Звали её Татьяна. Отчество я, естественно, не знаю, не помню, фамилии тоже. Такая была орденоносная трактористка, то есть когда там были всякие советские праздники, она надевала свой пиджак, у неё орденов трудовых было столько же, сколько у деда Пети военных. Вот. А одна из тёток имела такую очень непростую судьбу. Мы к ней тоже ездили в гости. Тёя Настя. У неё трое сыновей и муж, все погибли на фронте в ВОВ. Ушёл сначала муж, потом по очереди трое сыновей и все погибли. Тоже вот осталась после войны одна. Ну, так довольно неплохо вела своё самостоятельное хозяйство. Вот. Ездили ещё к тёте Вере. Та в Пронске жила. Тоже двоюродная сестра. В общем, там довольно много родственников. Ну, много родственников и в Ленинграде, поскольку вот у Петра Ивановича собственно почти вся родня за исключением одного из братьев, который увлёкся космическими технологиями и всю жизнь проработал в звёздном городке и дети его, кстати говоря, тоже. Да, один из братьев деда Пети, он после войны окончил не знаю какой институт, физтех по-моему. Не знаю. И работал в звёздном городке, вот в космической этой отрасли.

И.: В Королёве?

Р.: Да. Соответственно его дети, Иван, Александр и Игорь тоже. И его внуки, вот: Лиля, Ледик. Ледик сейчас в строительство ушёл, а по молодости лет тоже там в звёздном. То есть вот Лиля и Ледик это дети Александра. У Ивана тоже двое детей, но они так в звёздном и живут, там в Королёве, не знаю, я их не видела ни разу. А ветвь Игоря, к сожалению, они все умерли. Дочка была одна, она в молодости умерла, тоже трагическая была история.

И.: А в Москву-то как попали?

Р.: Кто? Пётр Иванович с Прасковьей Игнатьевной?

И.: Да.

Р.: Петра Ивановича перевели служить в генштаб. В каком-то лётном училище он работал в Питере, потом его перевели в Москву, он преподавал здесь в лётном училище, потом его отправили в Ригу, они, по-моему, 5 лет там прослужили, там тоже преподавал. А после Риги его вернули в Москву и он последние годы служил в генштабе. Соответственно жили они сначала на бауманской, вот Ольга Петровна там и родилась в офицерском общежитии, а после рождения Ольги Петровны им дали комнату в коммуналке здесь, на углу Первомайской и 15-ой Парковой, где они двадцать лет и прожили. А сюда переехали так: Прасковья Игнатьевна к тому моменту уже достаточно немолодая и, в общем, с разными болезнями женщина написала письмо Ворошилову, от части перечисляя заслуги своего мужа, от части прикладывая свои медицинские справки с тем, что вот, они немало сил и времени отдали служению отечества и, наверное, когда люди имеют трёх взрослых детей жить впятером в одной комнате в коммуналке полковнику генштаба это неправильно. И им дали вот эту квартиру.

И.: А со стороны деда, там всю жизнь практически в казарме прожили Морозовской что ли?

Р.: Да. Когда я родилась, они ещё жили все в казарме. А потом первую квартиру получила баба Нинина мама, Мария Павловна. Квартиру дали маленькую достаточно, в старом доме, и она туда переехала с Галей и дедом, а баба Нина осталась жить в казарме.

И.: То есть она бабушку отправила с детьми?

Р.: Да, да. Вот. А соответственно, когда в семьдесят четвёртом году она вышла замуж за Александра Павловича Фомина, ему, как ветерану войны, и ей, как ветерану труда и тоже войны, дали опять же комнату в коммуналке недалеко от станции Крутое и там они прожили наверное лет пять, если не семь, после чего, всё за те же заслуги получили однокомнатную квартиру уже в таком, хорошем доме, недалеко от центра Орехово-Зуево. Вот. И там они жили, Александр Павлович там и умер. Потом баба Нина забрала свою маму к себе, ну дед уже естественно переехал сюда, здесь женился, а Галя жила вот в квартире бабушки. Потом, когда баба Маня тоже умерла, у них получилась маленькая достаточно «двушка» и довольно большая однокомнатная квартира. Они её продали, купили «трёшку» там же, в Орехово-Зуево, а потом, так как Галя тоже всю жизнь проработала в «Курортпроекте» и, в общем, с возрастом стало достаточно тяжело ездить полтора часа в одну сторону на электричке, то в какой-то момент они продали там квартиру трёхкомнатную и купили в Купавне «двушку», где сейчас и живут.

И.: А с заработком вообще как было? Нормально?

Р.: С заработком было по-разному, скажем так. (Долгая пауза) В дореволюционные времена, поскольку все были достаточно трудолюбивые, Высоцкие жили получше, со стороны дедушки жили похуже, но, тем не менее, тоже неплохо в общем-то. А в советские времена, наверное, скорее наоборот получилось, что Высоцкие жили... ну тоже понимаешь, всё-таки пока молодые были, жили не очень хорошо, а потом когда деда Петя стал уже офицером в больших званиях после войны, офицеры же хорошо получали, то есть нормально было. А эти, которые Юрьевы-ткачи так они там тоже были... Баба Нина была зам. начальника цеха, хоть у неё всего семь классов образования, недоученный техникум, но тем не менее. Сорок лет стажа, сам понимаешь, не кот начхал. Вот. А соответственно, когда Валерий Фридрихович с Ольгой Петровной поженились, они как все молодые инженеры жили не очень хорошо. У них как преимущество было жильё, но, тем не менее, в мои детские годы вывоз на юг (нас каждый год вывозили на полтора месяца с Маришкой на юг) – сначала занимают,

потом отдают по полгода, но, тем не менее, дети вот на юге. То есть они по очереди обычно: две недели бабушка, две недели папа, две недели мама с нами были.

И.: Ну ладно, это советский период. А вот вопрос с 90-ми? Как решался в семье вообще?

Р.: В 90-е годы было по-разному. На самом деле получилось, что дедушка... Во-первых, бабушка, которая Оля, она по должности дедушку-то всегда (заминается) она-то доучилась в институте, дед-то так и не доучился. Ну (продолжительное) именно по финансовым обстоятельствам получилось же, что я у них родилась – они оба учились, и дед соответственно ушёл из института, чтобы иметь больше времени на подработки. А бабушка-то доучилась, и по должностям она долгое время была выше, чем дед, соответственно и зарплата была получше. Но дед при этом достаточно много делал всяких разных дополнительных работ, дополнительные проекты за дополнительные деньги, ну и в сумме получалось. В общем, к девяностым годам получалось неплохо, там был достаточно тяжёлый период, когда как раз Маришка заканчивала школу, ты родился, когда у них просто было плохо с деньгами. Это какой, девяносто второй, девяносто третий год, очень плохо было с деньгами, «Курортпроект» разваливался, а так как они оба там работали, то получилось, что вот... То есть у них не было денег даже Маришке на выпускное платье. Ей выпускное платье и туфли покупали мы с твоим папой. Папа как раз на тот момент работал в фирме, продающей немецкие кухни, здесь в России, или итальянские что ли, у нас всё было хорошо с деньгами, мы оба работали, я ещё и училась и папа хорошо так, конечно, зарабатывал. Вот.

И.: А атмосфера в семье относительно разваливающегося государства?

Р.: А атмосфера в семье была... Ты же знаешь эту историю, что мы ходили на баррикады. В 91-ом году, когда летом был этот путч, у нас получилась довольно забавная ситуация: я работала в бауманском университете, папа твой соответственно там учился. Поскольку было лето папа уехал на каникулы домой. А я прихожу с работы домой, лежит тут грустный дедушка на диване, я говорю: «чего ты такой грустный?». Он говорит: «Мама велела с вами со всеми попрощаться, она ушла на фронт». Я говорю «Куда?». «Ну как куда, вон же путч, она пошла к защитникам, хлеба им принести, ну если чего надо – помочь». В общем, решила стоять. Там был кусок с одной стороны от белого дома, где стояло чисто женское отцепление, то есть там женщины стояли в цепочку, взявшись за руки, и бабушка Оля решила в этом мероприятии поучаствовать. А Маришка на тот момент была на даче у Якуниных, в Поворовке. Соответственно я дедушке говорю: «Что лежим? Встаём и поехали тоже воевать». Бабушку Паню оставили на телефоне, как бы назначив, если бабушка Оля позвонит, бабушка Паня ей скажет, где у нас точка встречи, чтоб бабушка Оля туда подошла. Мы приехали тоже к белому дому, некоторое время там побегали кругами, в конце концов, встретились с бабушкой, очень там было такое, воодушевлённое состояние. Поскольку у бабушки Оли на тот момент уже достаточно сильно болели ноги, мы там некоторое время, где-то наверное часов до 12 ночи походили, и в какой-то момент создалось ощущение, что никакого штурма не будет и мы на всякий случай дошли пешком до Красной площади, там где вокруг Кремля стояло отцепление на БТРах, поговорили с солдатиками, те вроде тоже сказали, что никакого приказа нет, что ничего страшного вроде не придвинется. Сели на метро и уехали домой. Приезжаем домой, а тут баба Паня говорит, что по радио объявляют, что стреляют. На тот момент ещё не женатый на мне твой папа (по радио же по всей стране передавали, что в Москве стреляют) весь вечер названивал сюда из Димитровграда в поисках меня, на что бабушка ему всё время говорила, что все ушли на фронт, никого нет. Вот. Папа там очень нервничал. Соответственно утром, когда стало известно, что был обстрел, но погибло там три что ли человека или семь, три, по-моему, которые под танки бросились, тётя Ира Маришку привезла в Москву, меня отправили на войсковую за Маришкой. Мне девятнадцать лет, Маришке пятнадцать значит было. Мы с Маришкой на обратном пути вылезли, дошли до белого дома,

а там эти троллейбусы раскарёженные стоят, и мы себе на память отрезали резинку от боевого троллейбуса, где-то даже до сих пор валяется, я её не так давно видела. Вот.

В целом, в те времена бабушка, дедушка твои, соответственно, мои родители активно поддерживали перемены и первый срок правления Ельцина. Как-то так. Вообще, тогда были достаточно активные споры в семье, то есть каждый праздник семейный, посиделки, превращались в небольшой митинг, потому как старшее поколение, которое твои прабабушки-прадедушки, они как-то были с одной стороны более консервативны, с другой стороны для них всё-таки построение советской власти было смыслом и целью жизни и, конечно, когда всё вот это вот так разрушилось было тяжело. А молодые, которые мои родители, они в общем, ну как все молодые были радикалы. Это, в общем, нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.